

УДК 811.161.1'373+811.161.3'373

Т. А. Пивоварчик

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Беларусь)

РЕЧЕВЫЕ ФОРМУЛЫ С ИМЕНЕМ БОГА В ПОВСЕДНЕВНОЙ КОММУНИКАЦИИ

З позицій прагматики й етнолінгвістики аналізуються російські та білоруські мовні формули з лексемою Бог і їх функції в повсякденному спілкуванні: соціально- і етикетно-регулятивна, жанроутворююча, експресивна.

С позиций прагматики и этнолингвистики анализируются русские и белорусские речевые формулы с лексемой Бог и их функции в повседневном общении: социально- и этикетно-регулятивная, жанрообразующая, экспрессивная.

From the positions of pragmatics and etnolinguistic Russian and Belorussian speech formulars are analyzed with the word God and its functions in the daily contact such as social and polite-regulating, genre, expressive.

В современной лингвистической прагматике различаются два основных исследовательских направления: 1) изучение прагматического потенциала языковых единиц и категорий разных уровней (т. е. подход «от языковой системы») и 2) изучение взаимодействия участников разных речевых ситуаций (т. е. подход «от ситуации»). При каждом из указанных подходов в центре внимания находится человек, «присваивающий» язык для его употребления в акте речи. Понимая высказывание как действие и признавая, что «всякое действие по структуре диалогично» [14, с. 49], исследователи выделяют в нем смыслы, связанные с разными участниками речевой ситуации – адресантом, адресатом, слушателем, третьими лицами. Фактор третьих лиц, не участвующих в ситуации, но значимых для интерпретации употребляемых участниками знаков, практически не получил своего анализа, хотя отмечаются отдельные наблюдения по этой теме в работах [2; 9; 12; 4; 17 и др.].

При включении в смысловую структуру речевой формулы взгляда «со стороны» субъектом модуса оказывается третье лицо, а адресант выступает уже не как автор произносимого высказывания и не как субъект мнения, а лишь как его ретранслятор и интерпретатор. «Структура языка такова, что и третьему лицу – лицу, о котором мы говорим, – мы можем приписывать ту же самую способность обозначать себя как того, кто говорит, и обозначать своего адресата. Сплошь и рядом такой перенос осуществляется путем цитации. «Он полагает...», «она считает...» – означает, что какая-то личность говорит в своем сердце «я думаю, что...» <...> Благодаря этому переносу семантика «он/она» как бы получает прививку от прагматики «я – ты»» [14, с. 43].

В некоторых языках (литовском, болгарском, турецком и др.) существует специфическая модальная категория эвиденциальности, предполагающая ссылку на тот или иной источник информации. Несмотря на отсутствие грамматической категории эвиденциальности в русском и белорусском языках, значение пересказывательности оказывается в определенной степени грамматикализированным и в них, что

подтверждается обязательностью употребления лексических средств с данной функцией в некоторых контекстах и значительной десемантизацией таких средств.

Лица с высоким престижем (*Бог, родители, профессор* и т. д.) выступают в качестве эталона, с которым соотносят мысли и поступки говорящие, и в качестве высшего наадресата – того, кто обладает «идеально правильным ответным пониманием» [2, с. 306]. Их отличительными чертами являются право на «активность», право влиять на собеседников и оценивать их, право «контроля» за поведением говорящих.

Чаще всего упоминание адресантом престижного третьего лица оказывается одним из аргументов в механизме убеждения адресата в чем-либо, например, в истинности слов адресанта или в целесообразности следования адресата тому совету, который он получил от автора высказывания. При этом убеждение должно строиться на факте ссылки на то лицо, чья социальная позиция, релевантная для данной речевой ситуации, не будет вызывать сомнений у адресата. Благодаря отсылке к авторитетности третьего лица усиливается ситуационная позиция адресанта, т. к. он в той или иной мере оказывается сопричастен высокому статусу, высоко ценимому мнению третьего лица (сюда можно отнести цитацию и ссылки как апелляцию к авторитету в научных текстах).

С помощью указания на авторитетное третье лицо вводятся в высказывание определенные социальные прескрипции, правила, нормы, применимые не только к данному, но и к другим случаям: одобряемо / неодобряемо, приемлемо / неприемлемо. Поэтому можно говорить о том, что одна из главных функций фактора третьего лица – это прескриптивная, или нормативная, функция. Этикет демонстрирует наивную модель мира, связанную с двумя аксиологическими системами – системой христианской морали и системой морали общечеловеческой (последняя, однако, обычно сужается до круга тех людей, которые живут рядом, – соседей, односельчан, земляков), поэтому в формулах представлены религиозно и социально санкционированные нормы. С одной стороны, мораль часто представляет собой часть религии, с другой стороны, морально то, что социально полезно (обычно социальный и сакральный смыслы реплики совмещаются); табуируются прежде всего те поступки, которые вредны всему обществу. Как показатели двух главных эталонов, с которыми необходимо каждому ситуанту соизмерять своё поведение, отношение к собеседнику, в речевых формулах регулярно используются лексемы *Бог* и *люди*.

В традиционной культуре собеседники в речевых формулах «со значительной долей сознательности выбирают референцию к Богу, или к предкам, или к окружающим в зависимости от интенции» [17, с. 76]. Речевые ситуации даже могут выстраиваться так, чтобы обеспечить «участие» третьих лиц в коммуникативном процессе: «один из партнеров выступает от лица Бога, умерших родственников, хозяев иного мира и т. п. Соответственно вербальные и поведенческие тексты, которые им порождаются, как бы исходят не от него лично, а от тех высших сил, представителем которых он является» [1, с. 7]. В основе прагматического потенциала речевых формул с именем Бога – христианское представление о том, что Бог – это не имперсональная сила, а Богочеловек Иисус Христос со всей полнотой эмоциональной жизни на надчеловеческом уровне (гневаётся и жалеет), в результате чего может устанавливаться «личностная связь человека с Богом» [11, с. 152], человек может вступать в общение с отзывающимся ему Богом, что на уровне речевого этикета проявляется «включением» Бога в коммуникацию не только фидеистическую, но и обиходно-бытовую.

В фидеистической коммуникации возможно одно соотношение ролей: человек является адресантом, Бог – адресатом, хотя традиция многопланового диалога развивалась «в Ветхом завете в идее договора Бога со своим народом, в Новом завете, где Бог как простой человек на языке людей пытается найти в каждом основу для его приближения к Богу» [15, с. 43]. Ср также с замечанием Б. А. Успенского: «Мы можем обращаться к Богу, или к покойнику, или же к нашим будущим потомкам, используя местоимение *ты*. Мы можем не ожидать ответа, но при этом имеет место презумпция, что в случае ответа <...> последний может быть выражен в 1-м лице (с использованием местоимения *я*). Предполагается, что в этом случае мы оказываемся с говорящим в одном ситуационном пространстве» [18, с. 33]. В повседневном общении при необходимости своеобразно совмещаются нормы и традиции светской и религиозной культуры, при этом главная коммуникативная «миссия» Бога – восстановить (сохранить, подтвердить) справедливость в отношениях собеседников. Чаще всего авторитетом Бога усиливается коммуникативная позиция говорящего (например, гарантируется реализация пожелания [19, с. 263]).

Использование формул с лексемой *Бог* в одних случаях связано с религиозным сознанием носителей языка (формулы – реликты текстов, выполнявших магическую функцию языка), в других – обусловлено речевой привычкой. Имя Бога в некоторых случаях так часто и даже избыточно упоминалось в разговоре (ср. пожелания рус. *Помоги, Боже, кому Бог поможет (а кому поможет, за того и мы)*; бел. *Дай жа, пане божа, з ваших губоў богу ў вушы*), что как реакция на такую особенность речи появлялись ироничные выражения типа бел. *Дзякуй богу за бога, што бог даў бога*. В современном речевом употреблении прагматические клише «семантически «выхолащиваются», утрачивают свою сакральную сущность, перестают быть знаками определенных религиозно-магических феноменов» [13, с. 88], имеют квазирелигиозный характер [6, с. 30], но семантика «сакральности» перерастает в прагматическое значение и выполняет не роль религиозной мотивации речевых действий, а социально- и этикетно-регулятивную, жанрообразующую, экспрессивную функции.

Например, оборот *Ради Бога!* и в современной речи атеистически воспитанных людей широко функционирует как формула вежливости наряду с *Пожалуйста!* [3, с. 55], однако внутренняя форма фразы ‘заклинания именем Божьим как святыней’ позволяет максимально усилить воздействие на адресата, поэтому благодаря выражению *Ради Бога!* и подобных ему просьба перерастает в более экспрессивный речевой акт мольбы: рус. *Оля, милая, не могу я больше тут. Ради Бога, ради Христа небесного, напиши ты своей сестрице!* (А. П. Чехов); бел. *Аляхно, зрабі гэта, дзеля пакут Хрыстовых!* (У. Караткевіч).

В речевой ситуации извинения формулы с именем Бога с точки зрения говорящего должны демонстрировать полное признание его вины и оценку им этой вины как значительной, в то же время адресат нередко воспринимает такую формулу как преувеличенную вежливость: рус. *Ради Бога, простите, господа, я, кажется, заставила вас ждать* (И. А. Бунин).

При включении в структуру речевой формулы указания на Бога происходит условная мена вторичных коммуникативных ролей адресанта и адресата: ‘не я, но Бог обратится к тебе’. «Мена ролей» характерна для ситуаций благодарности (при ответе на благодарность), похвалы (в ответе на похвалу), угрозы, проклятий; в таком случае адресант отдает свою позицию Богу, а сам как бы избегает активного участия в ситуации, что тесно связано с христианской идеей расплаты небесной жизнью за добрые дела на земле: «Бог отплатит, отомстит и вознаградит, поэтому

человеку не следует самому этого делать, в противном случае он уже получил вознаграждение» [5, с. 279]. В угрозах и проклятиях актуализация такого значения объясняется и желанием говорящего избегать каких-либо прямых недобрых действий по отношению к собеседнику, и его надеждами на высшую справедливость: бел. *Я табе маўчала-маўчала, няхай табе Бог аддае. Я цябе шанавала, абшывала цябе, абчышчала, няхай табе Божачка аддае* (М. Гарэцкі).

В качестве прагматического фактора имя Бога устанавливает необходимую тональность взаимоотношений коммуникантов – выполняет фатическую функцию, так как «религия есть не столько отношение человека к богу или к богам, сколько отношения между людьми в связи с представлениями о боге или богах» [16, с. 538]. Отмеченный фактор работает на объединение или разъединение адресанта и адресата, увеличивает или уменьшает дистанцию между ними: ‘если мы с тобою равные перед Богом и одинаково с уважением относимся к закону Божьему, то мы – свои, а не чужие’, в другом случае подчеркивается чуждость коммуникантов перед лицом Бога. Отсюда и обращения к незнакомым, которые маркируют возможную религиозную свойскость с этими людьми: бел. *Добры дзень вам, хрышчоныя людзі!; Ратуйце, хто ў бога верыць!* Ср. с рус.: *Говорят им казаки: «Слава Богу!» Те им отвечают: «Во веки слава»* (А. И. Куприн).

Долгое время среди носителей белорусского языка широкоупотребительным было (а в католических семьях и теперь употребляется) заимствованное из польского языка приветствие *Нех бэндзе пахвалёны (Пан Езус Хрыстус!)*, в структуре которого совмещались два адресата: адресатом прагматической ситуации приветствия являлся тот, к кому обращались, адресатом денотативной ситуации воззвания-пожелания – Бог, к тому же считалось, что лучший способ поздороваться для двух человек – это вместе восславить Бога, например: *Скажаш: «Нех бэндзе пахвалёны Пан Езус Хрыстус!» – тады ён: «На векі векаў, мой шанюны!» – Такі ўстар бываў наклон* (Ф. Тапчэўскі). Такое приветствие уже изначально в своей семантике содержало прагматический элемент – служило способом отличия своего человека от чужого, например, как в словах героя В. Дунина-Марцинкевича о Минске: *А людзі, людзі! – дзеткі дарагія! Не заморскія, не чужыя, А ўсе веры хрысціянскай, Шчодры, дабры, натуры не панскай: Сустрэнься з кім, нізка пакланіся, «Нех бэндзе пахвалёны Езус,» – адазвіся, Ён, баш, угору нос не задзірае, На наклон нізкі наклонам страчае, «На векі вякоў!» – тут жа загамоніць* (В. Дунін-Марцінкевіч). О широком распространении такого приветствия свидетельствует и его отдельная народная номинация – *пахвалёнка*, например: *На нашу пахвалёнку ніхто і не адказаў* (Ф. Багушэвіч). Среди этикетных формул можно найти и другие, в которых отдается хвала Богу: *У імя Сына і Айца!* (А. Гарун). Приветствие словом Божьим считалось одним из самых вежливых, его использовали, когда хотели угодить адресату.

Сравним следующие приветствия, похожие по структуре, но совсем разные по эмотивной коннотации: в одних – позитивное отношение к адресату, сочувствие, в других – неудовольствие, злость, недоверие, негативное отношение к адресату; такая разница возникает благодаря оппозиции *Бог/чёрт*, в которой отражается вера, что доброго человека водит Бог, а делами плохого человека руководит черт: бел. *З чым Бог нясе?* (З. Бядуля); *З якіх краёў наслаў Пан Бог?* (Я. Баршчэўскі); *Дзе ж гэта цябе насіла божа помач у такую пару?* (М. Гарэцкі); *А каго тут чэрці гоняць?* (А. Гарун).

В формулах прощания, построенных как акт напутствия, пожелания, поверхностная семантическая структура – это императив, направленный к адресату Богу,

глубинная – пожелание конкретному адресату человеку: рус. *Да благословит вас Бог!*; *Храни тебя Господь!*; бел. *Няхай пан Езус мае над табой апеку!*; *Засцеражы цябе Бог!*; *Няхай сьвідзе на цябе благадаць Божая!*, например: рус. *Будьте счастливы и да сохранит вас Бог!* (И. А. Бунин); *Дай тебе господи здоровья за то, что сирот приютила* (А. Чапыгин); бел. *Дужа, дужа дзякую, шанюўная панечка. Давай вам божачка* (М. Гарэцкі); *Няхай табе бог шчасце дае! Каб шчасліва жылося вам* (І. Шамякін). Таким же образом построены приветствия, употребляемые в ситуации работы адресата: рус. *Бог в помощь!*; бел. *Памагай Бог!*; *Памажы Божа!*; где в содержании высказываний обнаруживаются смыслы ‘желаю тебе удачи в работе’, ‘обращаюсь к Богу с просьбой о помощи тебе’. Такое пожелание может быть интерпретировано адресатом как «передача» адресантом своей возможной роли помощника Богу, свидетельством чему – ответные шуточные реплики: бел. *Казаў Бог, каб ты памог!* В формулах пожелания, благодарности при экспликации в них фактора Бога происходит как бы распадение одного речевого акта на два: эксплицитно – это мольба Богу за тебя, имплицитно – мое пожелание, благодарность тебе: рус. *За тетушку Матрену бога молить надо* (А. Чапыгин); бел. *І вам зычу ад Госпада Бога і ўсяго ўспеха ў руках і дзялах ваших* (М. Гарэцкі); *Зычу кіраўнікам і ўдзельнікам хору з Божае ласкі здароўя, сіл і поспехаў* (Наша слова. 1999. № 19). То хорошее, что сделал адресат для адресанта, также понималось как сделанное не без помощи Бога, поэтому и формулы благодарности могли строиться по вышеназванной схеме: бел. *Дзякую Богу і вашэці за начлег у клеці* (В. Ластоўскі). Несмотря на то, что персонализационная структура подобных высказываний оказывается в современной речи размытой, говорящие нередко сознательно акцентируют внимание на личностях каждого из «участников» ситуации, например: бел. *Дай вам Бог... Ну, не Бог, канечне, а вы самі... Любіце, шануйце адно аднаго* (Л. Арабей).

Речевые формулы с именем Бога могут способствовать формированию «правильного», «успешного» образа адресанта или сохранению его позитивного «лица». Ответ на просьбы нищих *Бог дасть!* (А. П. Чехов) камуфлирует прямой отказ (*Не дам!*), который создавал бы крайне негативный образ адресанта; не даром в таких случаях после реплики отказа почти обязательно следуют реплики с объяснением такого поступка.

Смысл ‘не я, а только Бог может это выполнить / может это знать’ особенное, ритуальное значение имеет в переходных обрядах. Таковы взаимные просьбы о прощении перед смертью одного из собеседников: бел. – *Даруй мне, браце! – Бог даруе!* [но не **Дарую!* – Т. П.] – *прашаптаў я без вялікай ахвоты тое, што зазвычайна казаць перад споведдзю або перад смерцю* (М. Гарэцкі); рус. – *Ну, тада прости меня, старик, если в чем виноватая... – Бог простит* [но не **Прощаю!* – Т. П.], – *сказал старик часто слышанную фразу* (В. Шукшин). По христианским канонам все браки происходят на небесах, отсюда необходимость выполнения определенных ритуальных действий на свадьбе: бел. *Дружок пытае ва ўсіх благаславення словамі: «Ацец, маці, добрыя людзі – старыя і маладыя, благаславіце дзіця на пасады!» Усе аднагалосна адказваюць: «Бог благаславіць!»* [но не **Благаслаўляем!* – Т. П.] (Вяс., с. 224). В ситуации благодарности такая персонализация отражает очень высокую степень благодарности адресанта: бел. *Добры чалавеча! У Божай толькі волі наградзіць вялікую прыслугу здаволі, мы ж таго не ў сілах!* (В. Дунін-Марцінкевіч).

Тактика взаимного поведения коммуникантов может быть основана на установке: ‘Бог – эталон и ориентир нашего поведения’. Адресант указывает

адресату на то, что в своих поступках он должен ориентироваться на те нормы поведения, которые были заложены в Завете Божьем. Отсюда милость Божья, ласка Божья – это высшая степень ожидаемых от собеседника качеств: рус. *Антип, яви божескую милость, отдай самовар!* (А. П. Чехов); бел. *Дык дзеля ласкі божай сатвары ты нам ласку, зладзь наша иччасце* (В. Дунін-Марцінкевіч). Эта персонализационная модель реализуется и в развернутых сравнениях: рус. *Вам просим милостей от Бога, а себе от Вас* (Даль, т. 2, с. 326); бел. *Бог, будучы Богам, усім нам грахі адпуская, а трудно, каб мы, грэшыныя людзі, адны другім кепскаго не запомнелі, а за добрае не памятавалі* (Вяс., с. 132).

Через апелляцию к авторитету Бога может даваться оценка адресату в формулах предупреждения, упрёка, осуждения, угрозы: рус. *Эх, Михайло! Бога ты не помнишь!* (А. Чапыгин); бел. *Але памятай, Генрык, што Бог усё бачыць* (Я. Баршчэўскі). Иллокутивная предназначенность таких формул – служить аргументом в речевом акте, перлокутивная – добиться у адресата чувства вины.

К сакральной силе формул с именем Бога адресант прибегает, если говорит о чем-то неприятном или нежелательном, чтобы предохранить себя от подобной беды: бел. *Ну, каб, барані Бог, мне такая жонка...* (М. Гарэцкі), или если говорит о человеке, чьи действия осуждает, чтобы показать адресату свое отношение к этому человеку (и в то же время проявить себя как человека с определенной системой ценностей): *А ўжо лепей пану пра Белую Сароку распавяду, чым гаварыць пра Чубкевіча, няхай яго Бог карае* (Я. Баршчэўскі). Такие формулы в своей первоначальной ритуальной функции являются оберегами от недоброго человека, от сглаза, от плохого дела, в целом от всего нежелательного. Когда сообщается о чем-то плохом или хорошем, произошедшем с одним из участников речевой ситуации, то это событие может «примеряться» на других членов социума, в первом случае – с предостережением от подобного плохого, а во втором – с пожеланием той же удачи, например: бел. *(бабуля жаліцца на свой цяжкі лёс) Мой ты галубок, хай Бог не дае такой жыцні нікому* (У. Ліпскі); рус. *Продали шерсть Черепахину и так, что дай бог всякому* (А. П. Чехов).

В современной речи такие выражения используются как демонстрация высшей, предельной степени того, о чем сообщается, – ‘очень’, ‘слишком’, ‘сверх меры’; почти всегда это оценка негативная или ироническая: *Вы сегодня Бог знает какой скучный!* (А. П. Чехов); *Какие-то слабые вы. Ишо ничего, а уж мысли Бог знает какие* (В. Шукшин).

Этикетными нормами предусматривается, что нельзя хвалиться самому и по возможности следует избегать ситуаций, в которых другие хвалят тебя; успех следует объяснять волей и лаской Божьей, свои же заслуги делать внешне как можно меньшими, например: бел. *Дык дзякуй вам, людзі. – Богу дзякаваць* (В. Быкаў). Обращение к Богу необходимо адресанту для того, чтобы сохранить позитивность своего речевого образа: *Няхай Бог прасціць грэху, як не выпіць?* (М. Гарэцкі); *Накажи меня бог, не брешу, раза три на неделе туда пешком ходил* (А. П. Чехов).

Выражения типа рус. *бог его знает; шут его знает; черт его знает*; бел. *бог ведае; хто ведае, ліха ведае; чорт ведае; кадук яго ведае* используются как экспрессивная замена прямого ответа на вопрос, в значении ‘никто не знает’, из чего адресат должен выстроить импликацию ‘если не знает никто, то этого не знает и мой собеседник’: рус. – *Яков Демидыч, для чего ты на свете живешь? – А господь его знает. – Значит не знаешь? – А кто ж это знает. По совести сказать, не знаю* (И. А. Бунин); бел. *Бог жа ведае... Ці мы, цёмныя людзі, можам што разумець?* (М. Гарэцкі). Представленные выше фразы синонимичны (коммуника-

тивно эквивалентны), но различаются стилистической и эмоционально-экспрессивной окраской, а также прагматической нагрузкой. Реплики с лексемами рус. *черт*, бел. *чорт*, *ліха* отражают и негативное отношение адресанта к предмету разговора, и раздражение, нежелание отвечать и т. д.

Функцию прагматического фактора «высшей силы» могут выполнять и персонифицированные силы природы бел. *неба*, *доля*, *лёс*, рус. *небо*, *судьба*. Сравните белорусские пожелания: *Хай Бог будзе літасцівым да вас!* и *Хай лёс будзе літасцівым да вас!* В советский период прагматическую позицию упоминаний о Божьей воле заняли персонифицированные номинации власти и властных структур, что отразилось и на этикетном общении: рус. (председатель сельсовета жителю деревни) – *Назначаем тебе пенсию. Не шлейся больше. – Спасибо нашей Советской власти* (В. Шукшин); бел. (хозяйка накормила военных) *А вам, гаспадыня, дзякуй. Савецкая ўлада вас не забудзе* (У. Паўлаў); *Я гэтага не дарую! Яшчэ ёсць воласць, суд!* (М. Чарот); *Кінь, стары, сваім жалем выстаўляцца. Партыя наша не любіць жаласлівых людзей* (С. Баранавых).

В речевых формулах нередко как взаимодополняющие используются лексемы *Бог* и *люди*, причиной чему тесная связь двух сторон жизни – сакральной и профанной, а также единство многих норм религиозной морали и морали повседневной, бытовой, народной: рус. *И знает Бог, и видит свет: Он, бедный гетман, двадцать лет...* (А. С. Пушкин); *Опять заживем, как было. Всё своим порядком, как у людей... по-христиански* (А. П. Чехов); бел. *Ды жыві доўганька, гаспадыня, усім на радасць і на божай волі* (З. Бядуля); *Где тут ёсць наш зять, од бога суджоный, од людей намоўлёный* [10, с. 438]; *О, не! Я не буду хадзіць у такім [паліто – Т. П.], што ўжо і богу, і людзям прыгледзіўся гэты яе падроблены «кот»* (С. Баранавых); *Ах, ты паганец! Зноў цацкі! Ні да Бога, ні да людзей ты ў мяне!* (З. Бядуля); *На такога злодзея, як ты, суду ні божага, ні людскага няма* (К. Каганец). С взаимодействием двух факторов – *Бог* и *люди* – связана традиция не осуждать, не говорить плохо о человеке умершем, испытывавшем серьезное потрясение, горе, сильно заболевшем, так как Бог как бы послал уже испытание человеку, наказал его за плохое, а значит нет и самой вины: бел. *І як табе не сорам, Якаў? На каго Бог, на таго й людзі. Не варта гэтак* (М. Гарэцкі).

И *Бог*, и *люди* оценивают действия коммуникантов (ср.: *Божий суд, людской суд*), но по-разному: при соответствии поведения собеседников нормам христианской морали награда – милость (опека, благословение) и прощение Божье, при несоответствии – наказание (кара) и гнев; при выполнении людских норм – уважение, при отказе от них – высмеивание, обговоры, сплетни, реже – пренебрежение, проклятие. Такая поляризация отразилась в поговорках: рус. *Ни Бога не боится, ни людей не стыдится* (Даль, т. 2, с. 284); бел. *Людзей не смяшы і Бога не гняві; Отъ Бога милосць, а отъ людзей хвалу маець*. Именно правые (негативные) оценки в оппозиции *хорошо/плохо* характеризуются широтой и регулярностью реализаций в этикетных формулах, то есть маркированным оказывается не соответствующее общим нормам поведение. Все реальные участники ситуации или придерживаются указанных оценок (озвучивают их), или отказываются от них, к тому же каждый из собеседников может сам стать объектом оценивания. Включением отмеченных факторов адресант демонстрирует адресату свою преданность общим нормам (речевое поведение воспринимается прежде всего как социально опосредованное) и одновременно прячет свое мнение за этими обобщенными позициями.

Только в русских текстах встретились инвективы, бранные слова с упоминанием имени Божьего, например: *Раз в месяц – с пенсии – Евстигнейч*

аккуратно напивался и после этого три дня лежал в лежку. Матерился в бога. – Как черти копытьями толкут, в господу мать. Кончаюсь. Кончаюсь, Юрка, в крестителя, в бога душу мать! (В. Шукшин). Зато в белорусских текстах многочисленны проклятия с именем Бога, достаточно указать на то, что образовалась даже специальная частица *бадай* (из *Бог дай...*).

Фактор третьих лиц проявляется в русских и белорусских речевых формулах эксплицитно: особым использованием лексем и грамматических единиц с указанием на «не-участников» речевой ситуации, а также имплицитно: в коннотативном компоненте лексем, отсылающем к социально одобряемым нормам. Третьеличное прагмазначение (*Бог* и *люди*) выполняет в речевых формулах аксиологическую функцию (с указанием на третье лицо вводятся в высказывание моральные и социальные прескрипции) и функцию социального контроля и социальных санкций (выправление поведения адресата под угрозой общественного осуждения). Обращение к третьим лицам (в определенном смысле независимым – от данной речевой ситуации) объективирует и ситуацию, и расстановку в ней участников, в результате чего индивидуальные отношения коммуникантов вводятся в более широкую рамку, становятся более социализированными.

Можно предположить, что в белорусском традиционном речевом общении фактор третьих лиц играл и продолжает играть большую роль, чем в русском речевом поведении, что позволяет высказать предположение о большей регламентированности и ритуализованности речевого поведения белорусов. Активная реализация прагматического потенциала лексем *Бог* и *люди* в белорусских речевых формулах является косвенным показателем того, что белорусская культура – во всяком случае в своем этикетном проявлении – развивалась как «мы-культура». Роль общественного контроля оказывалась важнее, чем внутренние императивы (например, совесть).

Библиографические ссылки

1. **Байбурин А. К.** У истоков этикета: Этнографические очерки / А. К. Байбурин, А. Л. Топорков. – Л. : Наука, 1990. – 166 с.
2. **Бахтин М. М.** Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин / сост. С. Г. Бочаров. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
3. **Безяева М. Г.** Упрашивание в русском звучащем диалоге / М. Г. Безяева // Rostocker Beiträge zur Sprachwissenschaft. – Heft 6. – 1998. – С. 49–78.
4. **Богусевич Д. В.** Социолингвистический аспект прагмалингвистического анализа / Д. В. Богусевич // Язык и социум : матер. II Междунар. науч. конф. 5–6 декабря 1996 г. В 2-х ч. – Минск : Белгосуниверситет, 1998. – Ч. 1. – С. 5–6.
5. **Вебер М.** Избранное. Образ общества / М. Вебер / отв. ред. и сост. : Я. М. Бергер, С. Я. Левит, Л. Т. Мильская. – М. : Юрист, 1994.
6. **Вежицка А.** Язык. Культура. Познание / А. Вежицка. – М. : Русские словари, 1996.
7. **Вяс.** – Вяселле : Абрад / [уклад., уступ. артыкул і камент. К. А. Цвіркі; рэд. тома В. К. Бандарчык, А. С. Фядосік]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1978. – 640 с.
8. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1989.
9. **Жолковский А. К.** Три инвенции на грани лингвистики и поэтики / А. К. Жолковский // Московский лингвистический журнал / РГГУ. – М., 1996. – Т. 2. – С. 147–161.
10. **Карский Е. Ф.** Белорусы. Язык белорусского народа. Вып. 2–3 / Е. Ф. Карский. – М. : Изд. АН СССР, 1956.
11. **Касевич В. Б.** Буддизм. Картина мира. Язык / В. Б. Касевич. – СПб. : Центр «Петербургское востоковедение», 1996.

12. **Кибрик А. А.** О некоторых видах знаний в модели естественного диалога / А. А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 1991. – № 1. – С. 61–68.
13. **Норман Б. Ю.** К социо- и психолингвистической интерпретации некоторых стереотипных реплик в стандартных ситуациях / Б. Ю. Норман // Русский язык : межвед. сб. – Минск : Университетское, 1988. – Вып. 8. – С. 86–92.
14. **Рикёр П.** Человек как предмет философии / П. Рикёр // Вопросы философии. – 1989. – № 2. – С. 41–50.
15. **Социокультурное пространство диалога** / отв. ред. Э. В. Сайко. – М. : Наука, 1999.
16. **Токарев С. А.** Религия в истории народов мира / С. А. Токарев. – [4-е изд., испр. и доп.]. – М. : Политиздат, 1986.
17. **Токарева И. И.** Этнолингвистика и этнография общения / И. И. Токарева. – Минск, 2001.
18. **Успенский Б. А.** Ego Loquens: Язык и коммуникационное пространство / Б. А. Успенский. – М. : Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 320 с.
19. **Ożóg K.** Powitania i pożegnania w języku mówionym mieszkańców Krakowa / K. Ożóg // Język Polski. – LX. – 1980. – Nr. 2–3. – S. 129–138.

Надійшла до редколегії 14.10.08